

**НОВЫЙ
ЗЕЛЕНЫЙ
КУРС ДЛЯ
ЕВРОПЫ**

**ТЕХНО
ИМПЕРИАЛИЗМ**

Ермолаев Дмитрий

главный редактор, эксперт SG SOFIA

«Если Земля потеплеет на 3 градуса по сравнению с доиндустриальной эпохой - привычный мир выйдет далеко за рамки даже самых смелых страхов»

На Конференции Рио + 20 по устойчивому развитию в 2012 году (20 лет спустя принятия так называемой первой «Декларации Рио») понятие зеленого роста закрепилось довлеющей темой глобальных будущих «эко-конференций». И базовые представления новой логики устойчивого развития (стабильного сосуществования инфраструктуры жизни человека и мира природы) оформились в итоговом документе «Будущее, которого мы хотим» (ООН 2012), что одновременно призывал к созданию общемировой «зеленой экономики» (green economy) и «устойчивой экономики» (sustainable economy). Предполагалось, что с тех пор тема зеленого роста сможет стать доминирующим публичным ответом-действием на с каждым месяцем все более серьезные предупреждения как со стороны науки, так и самой природы и того экологического кризиса, который втягивает в себя страны во всех уголках нашей планеты. Казалось, что в тот момент климатическая проблематика окончательно вышла из активистской монополии «гринписов» и экспертной маргиналы, трансформировавшись в мировую политическую повестку, для которой проблема экологического воздействия человека из «личного дела» безопасности среды сугубо национального обитания должна была наконец стать общечеловеческим делом - ибо волна физических свидетельств и научно-экспертных работ об угрозах ближайших лет уже переваливала через порог адекватного скепсиса.

Именно та страна, которая стала в свое

время символической точкой отсчета глобального разговора об взаимной экологической ответственности в крайние наши годы стахановскими темпами уничтожает ключевую эко-систему региона и мировой природный центр производства кислорода и поглощения CO₂. К настоящему моменту Бразилия потеряла около 20 процентов изначальной площади своих амазонских лесов, угрожая катастрофой системного слома термо-влаги регуляции для всего континента (при перешагивании порога в 20-25%) и непредсказуемыми последствиями для планетарной климатической системы. Такие «погибающие амазонии» в ускоренном темпе формируются на территориях большинства регионов мира, не смотря на всю историю «Рио», Киотских протоколов, Парижа и других мифологизаций консенсуса стран и капитала относительно плана мирового развития на принципов сохранения взаимного и равноправного выживания в ситуации набирающих оборотов гео-климатических изменений. Любые попытки серьезного уже не разговора, а формализованной и кодифицированной над национальной программы действий никак не получается реализовать коллективно, а уж тем более нет предпосылок для ее сегодняшней реализации именно на принципах коллективного ответственного действия.

Характер организации воспроизводимости современного глобализованного капитализма со сложной системой перераспределенных цепочек производства/реализации предполагает

жесткую, управляемую систему политического контроля за глобальной неравномерностью экологических издержек (экологическое разделение труда: когда синтетическая, высоко потребительская среда предполагает высокий экологический уровень ее территории обитания). Срабатывает базовое правило свободного предпринимательства - минимизация издержек. Экологичность ведения хозяйственной деятельности предполагает высокие затраты на ее технологичность; соответственно издержки богатой «эко-потребительской» жизни перекладываются на территории управляемой бедности (низких стандартов жизни и среды обитания). «Эмпирические данные предполагают, что абсолютное отделение ВВП от использования ресурсов (прим.: суть повышения экологичности жизни индустриального общества) (а) может быть возможным в краткосрочной перспективе в некоторых богатых странах с сильной политикой борьбы с выбросами, но только при условии теоретического повышения эффективности, которого в реальности невозможно достичь; (б) неосуществим в глобальном масштабе, даже в условиях политики наилучшего сценария; и (с) физически невозможно поддерживать в более долгосрочной перспективе. В свете этих данных мы можем сделать вывод, что **теория зеленого роста - с точки зрения использования ресурсов - не имеет эмпирической поддержки.**».

Таким образом, корпоративный капитал не может самоинициативно (как и национальное государство, часто представляющее и продвигающее систему защиты его фондов и бизнес процессинга) быть субъектом глобального справедливого плана переустройства планетарной экономики, в согласии с целями Парижских соглашений о недопущении превышения температурно-

го лимита. И финальным аккордом «климатического скептицизма» – стало американское индустриальное лобби, которое с избранием Трампа выдернуло США из Парижских соглашений по климату в 2015-м. «Эти алармисты вечно требуют одно и то же - абсолютную власть, чтобы доминировать, трансформировать и контролировать каждый аспект нашей жизни...Свободное предпринимательство — оно и в двадцать первом веке будет вносить главный вклад в производство материальных благ... чтобы воспользоваться возможностями завтрашнего дня, мы должны отвергнуть вечно хнычущих предсказателей конца света и их пророчества насчет близкого Апокалипсиса...все они хотят увидеть наш провал, но мы не позволим этому случиться.» Крупнейшая экономика и глобальный игрок США будет использовать по максимуму ресурсы сегодняшнего дня, перед тем как совершенно осознанно «приземлиться», в термине Бруно Латура, с максимальным козырем на руках. Вопрос один: те ли это будут масти, что побьют беспрецедентную нагрузку на привычность нашей среды обитания уже с 2040-50? От выбранной стратегии адаптации зависят получаемые исходные позиции в пике кризиса (всего через 30 лет) первого этапа недавно наступившего Антропоцена. И крупнейшие национальные государства и региональные макро-структуры с относительной синхронностью вышли со своими геоэкономическими программами будущего. Неоглобализм Китая с «Поднебесной общей судьбы»; нео-корпоративизация от США; новый зеленый техно-империализм ЕС. По мере того как разворачиваются события конфликта вокруг первенства в технологическом лидерстве (время производственного внедрения и масштабирования оказываются сверх критическими параметрами ибо в сфере цифровых

технологий/связи/материалов/энергетики/управления речь идет об ближайшей декаде трансформации базового передового уклада) происходит изменение привычного мышления среди конкурирующих сторон - от многосторонних к односторонним отношениям и от кооперативных к конкурентным. Складывающаяся в результате геополитическая турбулентность создает непредсказуемость понимания того, кто руководит процессом, а кто является союзниками, и кто все таки в итоге окажется победителем и проигравшим. Есть оценки, что к 2050 году пул стран с формирующейся в настоящий момент рыночной экономикой будут составлять список шести из семи будущих крупнейших экономик мира. И цифровые технологии пересматривают, что значит оказывать глобальное влияние.

Справка. Что с климатом и о чем страх?

Вокруг темы глобального изменения климата ведется ожесточенная научная и политическая борьба. Основной точкой скрещивания мечей становится вопрос принципиального влияния человеческой деятельности на процесс объективного повышения температуры в временной шкале от начала известной нам эпохи первичной индустриализации. Позиция «За» влияние выразилась в повестке ограничений выбросов парниковых газовых, карбонового следа и др. ограничительных мер в отношении антропологического привнесения в систему планетарного теплообмена. Позиция «Против» отталкивается от разделяемого и первым лагерем представления о том, что за последние несколько тысячелетий температурный климатический сдвиг происходил много раз и волнообразным образом. Соответственно, потепление/охлаждение происходит по иным причинам, чем антропогенное влияние (солнечная

активность, магнитная полюсность и др. сложные комплексные механизмы циклического перехода). «Глобальное потепление (т.е. потепление с 1977г.) закончилось. Ничтожное увеличение антропогенного CO₂ в атмосфере (0,008%) не было причиной потепления, оно было продолжением природных циклов, протекавших за последние 500 лет.» (проф. Don J. Easterbrook). И с доводами последних можно частично согласиться: уже фиксировавшиеся исторически циклы не дают право перевести всю вину за рост глобальной температуры лишь на человека. Тем не менее, и первых и последних можно примирить в формуле, которая политически возвращает адекватность повестке глобального изменения климата, как повода коллективных переговоров об изменении способов и последствий антропологического влияния на природу: антропогенный фактор не вызвал текущий сдвиг в сторону активного роста мировой температуры (и глобальных катастрофических последствий в стабильности экосистем), но **антропогенный фактор критически быстро крадет время у текущего поколения на адекватную адаптацию** инфраструктур жизни к новым условиям жизни после 2050х. «Точка невозврата по достижению максимальных 2 градусов цельсия потепления будет пройдена к 2049 году», - прогнозируется в докладе DNV GL. Таким образом, мы можем говорить о том, что способность или неспособность быстрыми темпами коллективно организовать сохранение приемлемых темпов природно/антропоного нагрева планеты - это вопрос организации паритетного сосуществования. Но события и повороты политик ключевых глобальных игроков явно указывают на то, что ставка была сделана на игру с нулевой суммой.

Европа: из бабочки в гусеницу.

Европа оказалась к 2020-му втянутой

в борьбу за власть между тремя крупнейшими игроками мира, поскольку Соединенные Штаты, Россия и Китай пытаются игнорировать, разделять или укреплять Континент в своих целях, выкидывая до последнего времени ЕС из равноправной субъектности в этом процессе.

Вдобавок ко всему, в большинстве членов Евросоюза ультра острым оформился вопрос социальной несправедливости. Восстановление Европы после Второй Мировой Войны сопровождалось достаточно жестким мобилизационным режимом почти во всех субъектах европейского региона. Это касалось в первую очередь рынка труда. Понимание тяжести задач сформировало (да и фактически требовало объективно) минимизации прав рабочих, с максимизацией всей необходимой послевоенной восстановительной нагрузки: время работы, временность занятости, условия труда, оплата и т.д. Задачи, поставленные перед национальными правительствами, и понимание ситуации формировали на то время и соответствующие политические режимы с условными «партиями капитала». Но последующая фаза роста и экономического подъема сопровождалась уникальным периодом расцвета европейской социал-демократии. Соседний «занавесный» послевоенный Советский Союз и объективно, и мифо-идеологически задавал опережающую планку представления о значимости и реальности социального государства с высокими стандартами обеспечения экзистенциального комфорта работника и труда как такового: полная государственная медицина; гарантированный курортный отдых; гарантия профессиональной карьеры; задавание безапелляционной уверенности в витальной стабильности по оси всех поколений. На фоне этого, европейские трудовые союзы получали

мощный само организующий идеологический козырь в давлении на работодателя (притягательный соседский пример СССР). А капитал был вынужден идти на упреждение низового рабочего движения (в условиях антисоветской установки) через плавное наращивания составных элементов будущего среднеевропейского социального государства. Разгоняемого наращиванием внешнеторгового сальдо в ситуации постоянно растущего спроса на европейские товары и услуги и качественного роста производительности труда (чему благоволило щедрое государственное финансирование среды НИОКР). Рост экономической базы для распределения превосходил возможные социально-политические издержки. Именно в этом тандеме внешней «социалистической практики» и «социализирующейся публичной политики» произошло формирование известной нам «европейской мечты». Именно той формы организации социального пространства «в труде и отдыхе», который в своей мифологической обертке рядового туриста поддерживается в сознании и до сих пор. Но победа право-популистских сил и недавняя волна не оформившихся институционально-политически движений «желто-жилеточников» показало элитам принципиальный разлом в механизмах обеспечения преемственности социальных сред, условно, обитания европейского среднего класса - разрушение условий возможности социального лифта. Волна политических альтернатив (как под правыми, так и под левыми брендами) объединены повесткой слома **несправедливого социально-экономического порядка**. Порядка, в котором в лигу проигравших выпадают из еще недавно стабильных профессиональных и бизнесовых сред. Так называемая эффективная немецкая экономическая модель - переориентация

страны от повестки социального государства к ново-сословной неолиберальной форме организации ресурсов национального пространства с целью повышения конкурентоспособности национального outsource перед корпоративным капиталом, ускоренно порождающее прекариатизацию населения. Минимизация государственного участия стран ЕС в инвестиции по прорывным современным технологиям, позволило транснациональному капиталу переложить ставки и минимизировать издержки, в связи с этим, на другие территории производственного роста и потребительского бума. Европа оказалась на распутье проблем и зависшего развития в оркестре без влияния на концерт. Но помимо адекватной рефлексии собственной историчекой трансформации и проблем - европейская элита в одиночестве поняла и приняла климатическую повестку 2050, почувствовав момент исключительного перед всеми конкурентного прыжка, шанс завоевать победу как единственный гео-социоэкономически стабильный макро-регион. И ЕС полностью отдает себе отчет, что «помимо риска конфликта, если заинтересованные стороны сосредоточатся на непосредственном **геостратегическом преимуществе** и не смогут переосмыслить или адаптировать механизмы для координации в течение этого нерешенного периода, возможности для действий по ключевым приоритетам будут упущены.» - предсказательно предупреждают в официальном докладе The Global Risk Report 2020, представленный на Давос-2020.

Франко-немецкий фронт за выход из европейского болота

12 декабря 2019-го новая Председатель Европейской комиссии, Урсула фон дер Ляйен, официально презентовала Новый

Зеленый Курс для Европы - что ознаменовало начало долгого и тяжелого, но амбициозного плана переустройства блока и развязало внутри европейскую борьбу за ресурсы нового мобилизационного плана, представляющего собой внутреннюю реорганизацию как социально-хозяйственной жизни Европы, так постройку ее будущей «экологической форпостности» (в качестве инновационного средства борьбы за будущий центр перетока капитала и труда) по отношению к внешнему миру.

«Это Европейский момент человека на луне», - сказала Урсула фон дер Ляйен на первом выступлении новой Европейской комиссии - «Наша цель - примирить экономику с нашей планетой, примирить способ, которым мы производим, как мы потребляем с нашей планетой, и заставить ее работать с нашими людьми».

Политика направлена на достижение целей Парижского соглашения по климату и является признанием растущей важности изменения климата для европейской промышленности, торговли и политики - сила зеленых избирателей была продемонстрирована на европейских выборах в этом году, как доказательство.

«Именно народ Европы попросил нас предпринять решительные действия против изменения климата», - сказала новый лидер. - «Именно для них мы сегодня здесь, для них мы начинаем амбициозный Новый Зеленый Курс для Европы. Именно здесь мы говорим им: «Мы слышали вас». Так в политическую мифологизацию новой большой общей идеи закладывается классический христианский мессианизм (совершенно естественным образом ложащийся в ткань европейской гуманистической традиции - взять спасительную ответственность за человечество; указать на образ жизни, способный сохранить божий мир и дости-

жения западной человеческой цивилизации как ее выразителя). Мессианизм от которого грубым кулаком отмахнулись США и не замечают все остальные. «Движения во имя защиты творения, включая естественную красоту нашего сотворенного мира, вдохновлены христианскими идеями»

Сдвиг создаст победителей и проигравших. «Экологический переход изменит геополитику, включая глобальные экономические интересы, интересы торговли и безопасности. Это создаст проблемы для ряда государств и обществ.» - прямо выдает суть стратегического видения глава Комиссии. Новые политические лидеры, стоящие за формированием новой политики совершенно трезво отдают себе отчет о том, что даже самыми радикальными методами декарбонизации и динамикой ее осуществления (но ограничиваясь лишь отдельным макро-регионом нынешнего ЕС) невозможно! решить проблему 2050.

Новый Зеленый Курс - не про спасение планеты и остановку динамики теплового климатического сдвига. Краш-тест начался и пассажир уже не может выйти из машины. Но в отличии от тех, кто решил, что большая масса жертвы спасет ее - элита Европы решила успеть пристегнуться. Решая по ходу все ключевые для себя вопросы: с высшей задачей занять «инновационный конус, который экспансирует технологиями и для которого характерна политика технологического (прим. зеленого в характеристиках экспортных технологий) империализма.», что обеспечит ресурс развития; снизив стоимость и мобильность энергии в условиях катастроф окружающей среды внутри ЕС; создав ойкумену комфортной, безопасной, экологичной среды обитания как буквально физической притягательной территории обитания в мире, где очень

скоро с этим будут огромные проблемы

С самого начала 2019-го французский лидер Франсуа Макрон приступил к наращиванию своего национального влияния в европейских институтах: создав группу «Обновленная Европа» в Европейском парламенте; поставив близких союзников у руля Европейского центрального банка и Европейского совета, а также руководил выдвижением Урсулы фон дер Ляйен на пост президента Европейской комиссии. Совершенно неудивительно, что стратегическая перспектива новой Комиссии во многом отражает собственные приоритеты Макрона в его видении задач новой Европы: борьба с изменением климата и достижение углеродной нейтральности; введение европейской системы минимальной заработной платы и пособий по безработице в еврозоне как малая часть новой большой политики возвращений стандартов справедливости социального государства и выравнивания перетоков в перераспределении богатства на территории ЕС; капитальные государственнo-частные инвестиции в научно-производственный кластер по ключевым прорывным конкурентным технологиям ближайшего будущего; расширение возможностей ЕС в области обороны (с налаживанием кросс-континентальных хозяйственно-оборонных взаимоотношений с соседями); и разработка надежной внутренней политики безопасности, убежища и миграции. «Я ожидаю, что «Новый Зеленый Курс» изменит правила игры», - сказал французский депутат Европарламента Паскаль Канфин, председатель комитета парламента по окружающей среде и видный член центристской группы «Обновленная Европа». «У нас должна быть ситуация пред- «Зеленого Курса» и ситуация пост-«Зеленого курса». Таким образом, Новый Зеленый Курс стал не просто избиратель-

ным пиар проектом одной немецкой кандидатуры, а предварительным негласным консенсусом крупнейших сообществ Европы относительно рамки выработки мобилизационной европейской адаптационной программы и его ключевых целей. И в ближайшие годы вся публичная политическая европейская повестка от страны к стране будет отражением внутренних практических уточнений, политико-экономических взаимных торгов и индивидуальных синхронизаций, сцепленных выработкой единства вокруг Нового Зеленого Курса. На кону 1трлн.евро., который нужно превратить в будущее - и сам процесс теперь становится крайним вызовом на способность выразить и реализовать проект большой Европы. Именно предварительная подготовка и перспектива запуска процесса Нового Зеленого Курса. НЗК является логической расшивкой классической ставки европейских действующих консервативных партий на локальные сообщества и их эко-решения (а не ставка на бессильные глобальные соглашения). Более того, ставка будет делаться на максимальное ускорение снятия геополитических, миграционно-пограничных (в отношении не-Европы) слабых точек, путем привлечения в единую структуры недавних европейских «изгоев», Северной Македонии и Албании: «..конкурирующие державы, такие как Россия, Китай, Турция и страны Персидского залива, будут усиливать свое влияние в соседстве с ЕС, если блок не сблизит две страны» - заявила Ангела Меркель, добавив, что такие переговоры должны пройти уже в марте 2020-го. Цель поставлена однозначно - лишить ЕС потенциала внешнего геоэкономического и геополитического влияния на себя, поменяв стрелки местами.

Европа: из гусеницы - в бабочку 2

НЗК - не «экспортная модель демократии»

по налаживанию условий включённости отстающих в золотой миллиард успешных неолиберальных экономик. Это политика выстраивания сильной в адаптационном смысле, высокоэффективной и социально притягательной (в декларируемой цели), доступной в базовых потребностях (качество питания, индивидуальная стоимость энергии и инфраструктуры жизни) среде обитания стабильной на ближайшие 30 лет испытания европейского дома.

Пример только малой части ближайших политик:

#Превращение части Европейского инвестиционного банка в Европейский климатический банк. И ЕИБ уже отказался от инвестиций в проекты, не связанные с зеленой энергетикой и свернул все проекты, хоть как-то относящиеся к углеводной экономике.

#Усиление международной роли евро через экспорт зеленых технологий/стандартов производства и переработки - внедрение технологий циркулярной экономики как целевой стандарт всего ЕС (условиями возможности такого экспорта станет жесткая торговая политика ЕС с подготавливаемым «carbon tax», который будет означать возможность производства другими по-ЕУ странами товаров для европейского импорта лишь в условиях соответствия новым зеленым нормам и технологическим стандартам ЕС). На первом этапе это будет означать политику выборочного протекционизма с высокой оправдательной моральной составляющей (спасение будущей планеты).

#Выстраивание новых условий возможности получения приоритетности для европейских компаний в инвестиционном **участии в экономиках Глобально-**

ном участии в экономиках Глобального Юга в рамках внедряемой зеленой идеологии «приоритета суверенной устойчивости над иностранными инвестициями», где видимые последствия экологической метаморфозы описываются в негативистском языке хищнического эксплуататорского капитализма старого мира, в противовес инклюзивного (в единую систему blue print world) зеленого экспортного европейского капитализма. «Я хотела бы, чтобы у Европы была всеобъемлющая стратегия в отношении Африки, нашего ближайшего соседа и нашего самого естественного! партнера. (предвыборная речь Урсулы фон дер Ляйен) .. Это континент, полный возможностей и потенциала для сотрудничества и бизнеса. Он станет домом для самого молодого и быстро растущего среднего класса в мире, и ожидается, что к 2025 году частное потребление достигнет 2 триллионов евро в год. Мы должны максимально использовать политические, экономические и инвестиционные возможности, которые принесут эти изменения...Европа должна поддерживать Африку в разработке и реализации собственных решений таких проблем, как нестабильность, трансграничный терроризм и организованная преступность.» Европейская пост-колониальная Африка становится территорией новой «зеленой технологической экспансии».

#Обобществление энергетической инфраструктуры, устранение сверхприбыли в сфере коммунальной энергетики и передача ее в собственность коммун.

#Введения со стороны ЕС цифрового налога; усиление борьбы с налоговым мошенничеством и действия против вредных налоговых режимов в третьих странах (одна из причин Brexit) - как борьба за утекающий ресурс европейского бюджета

#Не гнаться за технологической автаркией, но достичь технологического суверенитета в некоторых критических технологических областях

#Создание доступной системы и соответствующей культуры пожизненного образования и совершенствования; встраивание на постоянной основе бюджета Erasmus+ (перманентный обмен студентами/профессорами между страновыми университетами)

#создание усиленного Европейского агентства пограничной и береговой охраны (в составе 10 000 пограничников Frontex уже к 2024 году. Что станет важнейшим этапом подготовки перед новым витком «великого переселения народов» в виде климатических беженцев со стороны Северной Африки и Ближнего Востока (кризис доступности воды, почвы, температурные шоки и т.д.)

#Переход на декарбонизированную энергетику помимо ставки на ВСГ (ветер, солнце, гидро) также будет делать ставку на перспективную технологию энергетики прибрежных волн. Но переходный этап предполагает временное замещение ТЭС и АЭС газом. Что означает долгосрочные прагматичные взаимоотношение с ключевым поставщиком, Россией. Уже сейчас явен разворачивающийся процесс встраивания новой формы стабильных соседских взаимоотношений в торговых и военных плоскостях. Новый Зеленый Курс требует стабильный и мирный Континент. Это стоит учитывать тем национальным субъектам, которые играют роль триггера помехи этому процессу.

Европа ставит для себя за цель в короткий срок стать на первые позиции в роли Центра качественной жизни, снимая социальную напряженность внутри путем

инвестиций в «зеленые технологии» всех производственно-инфраструктурных сред, создавая большой спрос занятости.

Новый институт, Environmental Justice Commission, (Комиссия по экологической справедливости) будет наделена правом оценивать и делегировать высшим органам ЕС решения по противодействию международным неконкурентным (в том числе в рамках международной коррупции в системной работе таких организаций как ВТО, МВФ и т.д.) политикам в отношении противодействию внедрения зеленых товаров и услуг, за которым стоит лобби старой индустрии (ископаемое топливо, грязная индустрия материалов и энергетика). Таким образом ЕС на уровне международных контролирующих, регулирующих, финансовых организаций будет наибольшим лоббистом защиты внедрения техник и технологий, где собирается быть форвардов.

Безусловно, это создаст конфликт между организацией производственной цепочки глобализированного капитала с предлагаемыми ЕС новыми мерами изменений по логике борьбы против «товаров запрограммированного старения и перерабатываемого типа». Логистика нового зеленого товарного производства предполагает существенный стимул для локализации современного способа малотиражного производства и перераспределения средств от импортного потребления (в пользу нерезидентов ТНК) в пользу national based предприятий с программной поддержкой со стороны европейских институций (издержки периода перехода собираются устранять мерами еще одного базового института-программы «Общественные зеленые работы»).

стабильности базовых ресурсов: вода, энергия, пища. Исходя из частной специфики и своего видения, крупнейшие игроки выбрали в данное осевое время собственные стратегии формирования фундаментов кризисной устойчивости. И то как другие страны смогут понять свои перспективы и потенциалы в этом меняющемся мире - зависит буквальное национальное выживание во временном горизонте 25-30 лет.

Наступает этап конкурентной адаптации к новым условиям мира, где формируется существенный доминирующий внешний фактор «климатической ризомы». Комплексный план конкурентного снятия издержек такого перехода формируется в качестве новой «пакетной геоэкономики». И задачей соседей ЕС должна стать выработка комплексного понимания своего ресурсного и гео-пространственного потенциала с точки зрения выработки пакетных стратегических предложений интеграции в процесс Нового Зеленого Курса и той Европы, которая в его рамках создается.

~

Сейчас повышается критическая важность